Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Парижский конгресс и клетка Пастернака

06.03.2025.

Photo © N. Sikorsky

Сегодня в женевской галерее Sonia Zannettacci открывается очень интересная фотовыставка, посвященная 90-летию Первого международного конгресса писателей за защиту культуры в Париже.

Почти ровно пять лет назад, в марте 2020 года, Наша Газета рассказала вам историю одной фотографии, сделанной в Париже летом 1935 года Фредом Штейном. На ней Борис Леонидович Пастернак запечатлен в окружении Густава Реглера, Ильи Эренбурга и Андре Мальро.

История эта получила неожиданное продолжение уже в наше время. В октябре

прошлого года, когда Наталья Борисовна Иванова приезжала в Женеву, чтобы выступить на Русском кружке на тему эзопова языка, она упомянула свою новую книгу «Судьба и роль», которая на тот момент только готовилась к изданию. Борис Пастернак – один из главных ее персонажей. Услышав это, мы сразу вспомнили ту фотографию, последнюю фотографию Пастернака, сделанную в Европе. В результате нескольких переговоров и обмена письмами, уникальная эта фотография украсила, с разрешения Питера Штейна, наследника ее автора, книгу Натальи Борисовны и подсказала Соне Заннеттакси идею новой выставки, где вы увидите много знакомых лиц.

К сожалению, Наталья Борисовна не смогла на этот раз приехать в Женеву. Но прислала текст, адресованный читателям Нашей Газеты и посетителям выставки. С удовольствием предлагаем его вашему вниманию.

Книга Натальи Ивановой "Судьба и роль" вышла в издательстве "Рутения"

***

«Моя новая книга «Судьба и роль», где я анализирую стратегию поведения и взаимоотношений русских поэтов во времена сталинизма, включает документальную пьесу «Летом в Париже». Вот что стало исторической основой ее драматического сюжета.

Международный конгресс писателей в защиту культуры, еще его называют антифашистским, прошел в июне 1935 года в Париже, в Зале Mutualité. На конгресс приехали более двух сотен писателей из тридцати пяти стран Европы, США и Кубы.

Существует две версии рождения конгресса. Официальная советская легенда такова: конгресс собрался по инициативе французских писателей в широком спектре от либералов до коммунистов – Андре Жида, Андре Мальро, Анри Барбюса и других – перед лицом нависающей над Европой угрозы, исходящей от нацистского режима (Гитлер пришел к власти в 1933-м и окончательно укрепил ее в 1934-м). Вторая – не мифологическая – версия, или как это было на самом деле и подтверждено документами. Непосредственно к Сталину (через Бухарина, тогдашнего редактора газеты «Известия») осенью 1934-го обратился постоянный советский корреспондент «Известий» в Париже, журналист, в недавнем прошлом поэт Илья Эренбург с предложением об устроении такого Конгресса. Опять-таки – как он объяснял в письме – перед фактом фашистской угрозы, объединяющей европейских писателей-гуманистов в тревоге за будущее их стран, склоняющей их в сторону социализма и коммунизма.

Мысль показалась Сталину перспективной. Ее разработка и реализация были поручены Илье Эренбургу и Михаилу Кольцову. Политбюро постановило негласно передать организаторам значительную сумму в валюте для финансирования и проведения Конгресса.

Политбюро утвердило и список советских писателей. Главой делегации был определен Максим Горький. В то же время ему было настойчиво рекомендовано не ехать – якобы по состоянию здоровья. (Горький скончался в 1936-м, предполагают, что был отравлен). Тем не менее обращение Горького к европейским писателям было составлено, им Конгресс и открылся. Бориса Пастернака в зале – и в составе

делегации – не было, хотя Эренбург дважды настаивал на его кандидатуре при обсуждении в Москве.

Андре Мальро на конгрессе в Париже, 1935 г. © Fred Stein
Кто же приехал на Конгресс? Широкий круг: Генрих Манн (Томас Манн вежливо уклонился), Олдос Хаксли, Луи Арагон, Джон Стрейч (друг Вирджинии Вулф), Андре Мальро, Мартин Андерсен-Нексё, Анна Зегерс, Лион Фейхтвангер, Тристан Тцара, Бертольд Брехт… Представители нелегальной антифашистской немецкой литературы выступили на тему «Гитлер – это не Германия».

Борис Пастернак вместе с Исааком Бабелем были откомандированы из Москвы в Париж только на последние два дня работы Конгресса. Срочно добавлены по личному распоряжению Сталина – для подкрепления авторитета прибывших ранее советских писателей, мало кому в Европе известных, одинаково безликих в своих речах. Фигура Пастернака ярко выделялась на их фоне. Независимость поведения, сочетание мастерства, известности и таланта, наконец, много переведенных произведений – эти существенные для представительства в Париже качества Пастернака поняли и в Кремле. Годом ранее ему по телефону, домой, неожиданно позвонил сам Сталин – поговорить о судьбе арестованного накануне Осипа Мандельштама.

Сталин позвонил Пастернаку после того, как к нему обратился с письмом об аресте Мандельштама все тот же Бухарин: «Пастернак тоже волнуется». Тесный был этот советский мир – 150 миллионов, а переговариваются, встречаются, решают судьбы поэтов несколько человек.

Пастернак закончил разговор со Сталиным словами, что вообще-то давно мечтал поговорить с ним о жизни и смерти – так оно в итоге и вышло, разговор был об этом. Смерть не заставила себя ждать – Мандельштам погиб на пересылке между концлагерями в 1938-м.

От поездки на парижский Конгресс Пастернак отказывался как мог, но ему было категорически приказано. За один день в ателье министерства иностранных дел ему сшили костюм и плащ, купили ботинки и шляпу (он жил очень скромно, «не в чем ехать за границу» было одной из его отговорок). Кстати, всем советским делегатам тогда сшили по костюму, постановив, чтобы ткань была разного цвета.

Лион Фейхтвангер и Бертольд Брехт © Fred Stein

К середине 30-х Гитлер преследовал «врагов нации» внутри Германии и наращивал силы против Европы. Режим Сталина, в свою очередь, усиливал внутренний террор против «врагов народа». Европейские «левые» писатели были поставлены перед тяжким выбором.

 Для Бориса Пастернака время было опасным вдвойне – он боялся не только за себя и свою семью в СССР, но за своих родителей-евреев, в 1920-х эмигрировавших из Советской России в Германию. По пути на Конгресс он проезжал город Берлин, остановился там на сутки, повидался с сестрой, но увидеться с родителями не решился. Оставлять их в Германии было опасно, звать назад в СССР – страшно. Выступлением на Конгрессе Пастернак, дважды заложник, по замыслу властей должен был продемонстрировать свободу слова и творчества в СССР. На тот момент

Пастернак уже полгода болел нервным расстройством, не мог спать. В последний день Конгресса он, встреченный овацией, произнес всего одну длинную фразу. Да и та, по слухам, была составлена из его обрывочных реплик. Вот она.

«Поэзия останется всегда той, превыше всяких Альп прославленной высотой, которая валяется в траве, под ногами, так что надо только нагнуться, чтобы ее увидеть и подобрать с земли; она всегда будет проще того, чтобы ее можно было обсуждать в собраниях; она навсегда останется органической функцией счастья человека, переполненного блаженным даром разумной речи, и, таким образом, чем больше будет счастья на земле, тем легче будет быть художником».

Зал встал и сопроводил слова Пастернака бурной овацией.

В парижские дни Пастернак виделся с Мариной Цветаевой – поэтессой, уехавшей в эмиграцию в 1925-м. На вопрос, возвращаться ли ей в Россию, он ответил один раз скорее уклончиво, а в другой пафосно: «Марина, ты полюбишь колхозы!» В 1938-м Цветаева с семьей вернется в СССР, где ее муж будет расстрелян, дочь проведет более 10 лет в тюрьме и ссылке в Сибири, сын погибнет на фронте, но еще до этого она сама покончит жизнь самоубийством в эвакуации. «Трагическая судьба ее семьи превзойдет все мои ожидания», - напишет Пастернак уже в 1956-м. А в Париже во время их встречи в гостинице он выйдет из комнаты – якобы за папиросами, и больше они не увидятся.

Михаил Кольцов и Илья Эренбург © Fred Stein

Возвращение в Москву тоже далось Пастернаку нелегко. Часть делегации возвращалась морем, через Лондон. Он говорил не переставая: назначенный ему сосед по каюте, сталинский чиновник высокого ранга, начальник над писателями, диагностировал душевное заболевание. Морской путь закончился в Ленинграде, но на поезд в Москву Пастернак не торопился. Плакал, наконец спал, дважды делал предложение руки и сердца Анне Ахматовой. За ним из Москвы приехала специально вызванная встревоженным писательским руководством жена.

Пастернак ушел в Париже не только от Цветаевой, он ушел и от исполнения навязываемой ему роли. С тех пор Сталин если и упоминал о нем, то называл «юродивым». Зачисление вождем в ряды «поэтов-безумцев» сохранило Пастернаку жизнь. Однако именно на Конгрессе в Париже Пастернак увидел и ощутил мировое признание. Больше он за границу выехать не смог – клетка захлопнулась. Но через двадцать один год из клетки выпорхнул его роман – «Доктор Живаго».

На обложку моей книги помещена замечательная фотография Фреда Штейна, сделанная в кулуарах конгресса: Борис Пастернак в окружении Ильи Эренбурга, Андре Мальро и Густава Реглера. Впервые я увидела поразивший меня снимок воспроизведенным в «Нашей газете», а потом уже подлинник в галерее Сони Заннеттакси. Спасибо фонду Фреда Штейна, его сыну Питеру, галерее Sonia Zannettacci и Надежде Сикорской за счастье содействия. (Сбычу мечт – выражение непереводимое.)»

Наталья Иванова

***

P.S. В январе 1933 года Борис Ефимович Кольцов (Фридлянд) рассказывал в Большом зале Ленинградской филармонии об итогах Женевской международной конференции по разоружению. 14 декабря 1938-го он еще прочел доклад о выходе «Краткого курса ВКП(б)» перед писательским съездом, а ночью был арестован. «Следствие» продолжалось чуть больше года, в феврале 1940-го «бывшего первого журналиста СССР» расстреляли.

Борис Пастернак
арт-галереи Швейцарии

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/le-congres-de-paris-et-la-cage-de-pasternak*